

— Поймай, молодая-красивая!
Я очнулась оттого, что в мой локоть
вцепилась дородная цыганка в пе-
строй шали. Сверкая золотым зубом, она сыпала
словами:

— Богатая будешь, счастливая будешь, мужа
найдешь красивого! Только позолоти мне ручку, все
у тебя будет!

Я попыталась вырваться — но она держала крепо-
ко, как бультерьер.

Ну что это такое!

Я оглянулась. Вокруг текла толпа, человеческая
река. Все спешили по своим делам, и никому не
было до меня дела. Ну почему эта цыганка выбрала
именно меня? Вон вокруг сколько людей, мужчин
и женщин! Чтобы ей золотить руку. А мне нечем!
Поищите другую дуру!

— Зря ты так говоришь! — обиженным голосом
пробасила цыганка. — Нехорошо меня обманывать!
Есть у тебя деньги, посмотри! — И она хозяйским
жестом расстегнула мою сумку.

— Да что же это такое! — вскрикнула я, пытаюсь
защитить сумку и в то же время прижимая локтем
пакет с вазой. — Помогите кто-нибудь!

Никто меня не слышал, а цыганка уже запустила руку в сумку и вытащила оттуда монету. Странную монету, которой там не было, которую я никогда прежде не видела.

— Как же ты говоришь, что у тебя нет денег, когда вот же у тебя, целая тетрадрахма!

Она продемонстрировала мне монету — на ней был выбит какой-то бородатый мужчина в шлеме с гребнем, а вокруг змеились незнакомые буквы.

— Тетрадрахма византийского императора Алексея Ангела! — значительным тоном сообщила цыганка.

Это было какое-то безумие. Я уже перестала понимать, на каком свете нахожусь.

— Я эту монету себе возьму! — удовлетворенно провозгласила цыганка и опустила монету в бездонный карман.

И тут же отпустила меня.

И растворилась в толпе, как будто ее никогда и не было.

Я перевела дыхание.

Кажется, все закончилось относительно благополучно. Пакет со злополучной вазой (уникальная, ручной работы) я прижимала к груди. Денег цыганка у меня не вытянула по простой причине — их у меня не было.

У этих цыганок глаз наметанный, сразу небось поняла, что кошелек пустой. А та странная монета?

Да я ее первый раз видела! Наверняка сама цыганка и подложила ее в мою сумку. Только вот зачем?

Я на всякий случай перебрала содержимое сумки.

Все вроде на месте — проездной билет, читательский, расческа, тюбик гигиенической помады...

Совершенно непонятная история.

А может, ничего этого и не было? Никакой цыганки, никакой старинной монеты... То есть цыганка, наверно, была, а все остальное мне показалось. Говорят же — цыганский гипноз.

Главное, ничего не рассказывать маме — иначе она снова начнет проводить со мной воспитательную работу, как она это называет...

Нужно быть внимательной и осторожной, следить за своими вещами, не разговаривать с посторонними людьми на улице, не зевать по сторонам, смотреть под ноги и так далее. Такое слышала я от нее лет с пяти и до сегодняшнего дня. Что ж, заметила мама, когда я указала ей на этот факт, если бы ты выполняла все мои инструкции, я не стала бы тебя воспитывать.

Я перехватила поудобнее тяжелый пакет с вазой и свернула в переулок, чтобы сократить путь к дому.

Лифт не работал, так что когда я поднялась на шестой этаж, то начала задыхаться. Странно, обычно я сначала заливаюсь слезами, потом кашляю со всхлипами, а уж потом задыхаюсь. То есть вы поняли, что я страдаю чем-то вроде аллергии.

Должна сказать, что аллергия, несмотря на относительно безопасность для здоровья, способна здорово испортить человеку жизнь. Ну, в смысле безопасности, я не имею в виду, конечно, отек Квинке (у меня его, слава богу, никогда не было), а от слез и насморка еще никто не умирал.

Но вместе с тем тот, кто испытал на себе чувство полной беспомощности, когда, к примеру, на собеседовании по поводу работы вместо того, чтобы отвечать на вопросы, вы начинаете судорожно сморкаться и вытирать влагу, обильно текущую из глаз, и ловите на себе брезгливые взгляды человека, сидящего напротив, и понимаете уже, что собеседование ничего не даст, что вас никуда не возьмут и в лучшем случае не станут хамить; так вот, тот, кто испытал такое, меня поймет.

У нашей двери я приняхалась. Вроде бы ничем не пахнет, мама знает все мои проблемы и старается не употреблять неизвестные приправы и не покупает новые моющие средства.

Нет, нужно немедленно взять себя в руки, сегодня очень важный вечер. То есть что это я, не то чтобы важный, а радостный для меня. Потому что сегодня я увижу Славку. То есть Славика, Славочку, дорогого моего друга юности.

Как официально звучит — друг юности, прямо как в старых фильмах. На самом деле все проще. Мама с Ольгой Павловной, а в детстве я звала ее тетей Олей, дружили еще со школьной скамьи (вот не понимаю, при чем тут скамья, когда в школе вовсе даже парты). И, соответственно, мы со Славиком тоже общались.

То есть общались-то мы втроем — я, он и Анька. Но Анька старше нас на пять лет, поэтому все время выделывалась и фыркала. Поэтому мы со Славиком подписали соглашение, в котором обязались дружить до гроба против Аньки. Она ужасно была вредная.

Анька — это моя старшая сестра, точнее единоутробная, у нас разные отцы. Моя мама два раза была замужем, но все, по ее собственному выражению, неудачно. Сейчас сестра живет отдельно с мужем, и скажу сразу, мне без нее гораздо легче. Все было бы прекрасно, если бы мама... но об этом после.

Итак, я перехватила неудобный пакет, поискала в сумке ключи, и тут мама сама открыла дверь, очевидно, высмотрела меня в окно.

— Тебя только за смертью посылать! — сердито сказала она. — Жду-жду, уже все сроки прошли. Где тебя носит?

— Пробки, — вздохнула я, — весь город стоит. Народу в транспорте ужас сколько, так меня затолкали...

— Не жалуйся! — строго сказала мама. — Женщина, которая с самых первых слов начинает жаловаться, никогда ничего не достигнет в личной жизни.

Забыла сказать, что мама моя — женщина увлекающаяся. То есть сама себя она таковой не считает, она думает, что она волевая, целеустремленная и решительная. Так вот, мама озабочена моим одиночеством. Как это так, говорит она, тебе почти тридцать лет, а у тебя никого нет... Да я в твои годы уже Аню родила.

Но поскольку у нее все же хватает ума не доверять интернету, то она пытается искать по знакомым. Слава богу, мама очень разборчива, так что никого подходящего не подворачивается, в противном случае я уж и не знаю что делала бы.

Знакомых у мамы, конечно, много, хоть она оставила работу и теперь на пенсии. Но до нее все же

дошло, что методы, которые были актуальны в девятнадцатом веке, спустя два столетия не работают.

Ну, во-первых, я была против хождения в гости к полужнакомым людям, а также против походов в театр и на концерты. Не то чтобы я не люблю театр, но как-то это все...

Ну и, конечно, те мужчины, с которыми меня пытались знакомить... Мама называла их молодыми людьми, хотя далеко не все они были молодыми, одному, к примеру, было уже прилично за сорок. Этого пыталась пристроить его сестра, к которой он явился жить после развода со второй женой.

Так вот, относительно нормальные мужчины, естественно, тоже были против, а те, кто соглашался, оказывались уж такими откровенными козлами, что и не описать. Несмотря на мое активное и упорное сопротивление, маме иногда удавалось меня затаскать на такие, с позволения сказать, свидания не мытьем, так катаньем. Как вы понимаете, ничего из этого не вышло.

Мама, однако, не смогла реально взглянуть на вещи, то есть признать, что ничего она не добьется, и оставить дочь в покое. Нет, она решила, что дело во мне, и принялась меня воспитывать с новой силой.

Энергии у нее было хоть отбавляй, так что спастись от нее можно было только на работе. Там тоже все было непросто, но об этом после.

— Принесла? — осведомилась мама, принимая у меня из рук тяжелый пакет. — Ту самую вазу, о которой я говорила? Ничего не перепутала, как всегда?

— Сама посмотри! — Я наклонилась расшнуровать ботинки, и хорошо, что мама не видела моего лица.

Эта ваза уже мне осточертела.

Мама вбила себе в голову, что мы должны подарить ее подруге что-то оригинальное. И приглядела в одной галерее стеклянную вазу авторской ручной работы. То, что это именно ваза, она поняла только из многословных пояснений сотрудницы галереи. На самом деле это было что-то перекрученное, переливающееся и жутко тяжелое. И вот такую красоту я тащила через полгорода на общественном транспорте, чуть руки не вывернула.

Мама отнесла пакет на кухню и поставила на стол. Я потащила за ней. Глядя, как она вынимает из пакета вазу, я забеспокоилась.

Дело в том, что вазу в галерее завернули в плотную коричневую бумагу и проложили внутри чем-то мягким. А то, что находилось в руках у мамы, было завернуто в газеты. Много газет, и все старые, выцветшие и кое-где даже рваные.

Душу кольнуло нехорошее предчувствие, но было уже поздно, потому что мама живо размотала газеты и ахнула.

И было отчего, поскольку вместо стеклянной вазы (авторская работа, непомерные деньги) на столе лежало что-то вроде помятого кувшина с длинным носиком. Кувшин (если это, конечно, был кувшин) был темный, грязный и, насколько я могу судить, вовсе не стеклянный, а из непонятого позеленевшего металла.

Не помню, говорила я или нет, что кроме аллергии, которая накатывает на меня в самый неподходящий момент, я тугодум. Если выразиться точнее, то я — тугодум только в экстренных ситуациях. Вот

случится что-нибудь неординарное, а я, вместо того чтобы сразу среагировать, впадаю в ступор. То есть реакция в сложных ситуациях у меня плоховата.

В данный момент я, как обычно, окаменела на месте и только пялилась на эту жуть, выглядывающую из газет.

— Что это? — страшным голосом спросила мама, повернувшись ко мне всем корпусом.

И, поскольку я молчала, потому что язык прилип к гортани, мама добавила в голос децибелов:

— Что это за гадость, я тебя спрашиваю? Что ты притащила? Отвечай, не стой столбом!

Ну, можно было бы все отрицать. То есть твердить, что понятия не имею, что это, что мне завернули в той галерее, то я и принесла. Время позднее, галерея закрыта небось, да нам все равно нужно идти на день рождения. Так что разбирательство автоматически переносится на завтра, а завтра, как говорится в одном фильме, будет завтра. То есть до завтра еще нужно дожить.

Но вы не знаете мою маму. Нервы у нее гораздо крепче моих, она не купилась бы на мое отрицание и выбила бы признание минут через двадцать. Так что у меня не было шансов.

— Ты можешь внятно объяснить, что случилось? — Теперь мама стояла напротив меня и смотрела прямо в душу, и глаза ее напоминали дула пистолета.

— Цы-цыганка... — неуверенно пробормотала я, — да нет, не может быть, я же все время держала пакет крепко...

— Ты? — Тут же взвилась мама. — Да ты голову свою крепко держать не можешь! Ну какая еще цыганка?

Пришлось рассказать ей все в подробностях — как меня остановила цыганка, схватила за руку, заговорила зубы, несла какую-то чушь и зачем-то подменила пакет. Но зачем она это сделала, я не понимаю, наверно, думала, что у меня там, в пакете, что-то ценное...

— А как же! — вставила мама деревянным голосом. — Цыганки, они сразу видят, какую дуру легче всего обработать.

Вряд ли цыганка посчитала найденную в пакете вазу чем-то ценным, тут же подумала я, но благоразумно промолчала. Мама между тем набирала обороты.

— Господи! — воскликнула она, театрально воздев руки к потолку. — За какие грехи ты послал мне эту тетеху и растелепу? Ну взрослая же баба, тридцать лет скоро, а попалась в элементарную ловушку. Да про этих цыганок я, сколько себя помню, слышала, что как увидишь их — так нужно бежать, ни в какие разговоры с ними не вступать, вообще не останавливаться!

Ага, подумала я, куда бы я побежала, если вокруг толпа, а цыганка эта вцепилась в меня как клещ?

— Ну ничего, ничего нельзя доверить! — горестно причитала мама. — Ну элементарную вещь и то не может сделать! Нет, нужно было самой съездить в эту галерею.

Вот и съездила бы утром, когда народу в транспорте поменьше, и забрала бы сама эту чертову вазу, тут же подумала я, но вслух, разумеется, ничего не сказала, удержалась в последний момент.

Но мама, очевидно, что-то почувствовала, потому что посмотрела на меня сердито и ушла в свою

комнату, хлопнув дверью, бросив напоследок, чтобы я выбросила эту гадость, потому что ей самой и прикасаться к ней противно.

Я тяжело вздохнула и подошла к столу с намерением выполнить мамин приказ. Но когда взяла в руки этот странный предмет с носиком, до меня вдруг дошло, что это лампа. Старинная медная лампа, такую в мультике про Аладдина я в детстве видела. Туда еще масло наливают... Ну, эта-то уж, наверно, светить не может по причине сверхпреклонного возраста...

Тем не менее я не стала выбрасывать лампу, а вернула ее снова в старые газеты и отнесла в свою комнату. А там засунула под диван, в самый дальний угол.

А когда вышла, то застала в прихожей маму при полном параде, она убирала в сумку красивую коробку.

— Вот, — сказала она, — все из-за тебя. Теперь придется подарить Ольге духи. Французские, еще коробка не распечатана. Мне Николай Сергеевич подарил.

— Кто такой Николай Сергеевич? — удивилась я.

— Ах, неважно, неважно! — плачущим голосом сказала мама и с грустью посмотрела на духи.

Затем повернулась ко мне и сказала:

— Имей в виду, ты никуда не пойдешь! Ты наказана!

— Мам, ну что за тон! — не выдержала я. — Мне же не пять лет, ты еще бы в угол меня поставила!

— А что мне еще остается? — вздохнула мама. — Если ты ведешь себя как пятилетний ребенок. Ну собирайся быстрее, я ждать не буду.

Тут я представила, как буду носиться по квартире в поисках то одного, то другого, а мама будет подгонять меня, прохаживаясь насчет моей неловкости и неумелости. Накрашусь я кое-как, волосы не успею уложить, ведь у меня же не было целого дня, как у мамы.

В общем, платье окажется мятым и некогда будет его гладить, так что я надену брюки и шелковую блузку, от которой у меня почему-то чешется все тело. И все равно мы опоздаем, и тетя Оля, открыв нам дверь, попеняет маме вполголоса, а мама тут же все свалит на меня.

Про лампу она, конечно, не станет рассказывать, скажет, что я долго собиралась. И тетя Оля с трудом скроет удивление, увидев меня в таком виде. Ясно же, что такой прикид соорудить можно минут за десять. Но тем не менее она чмокнет меня в щеку и шепнет, что я настоящая красавица. Все это она говорит при каждой встрече, как говорят ребенку. А потом мы пойдем в комнату, где за столом будет сидеть их обычная компания немолодых людей, которые знают друг друга давно и ничего нового сказать друг другу не могут.

В сущности, может быть, им и не надо, просто встречаются, чтобы посмотреть друг на друга, но я-то тут при чем?

Ах да, Славик... Возможно, нам со Славиком удастся поговорить, хотя вряд ли. Славик вернулся в наш город недавно, и все эти дамы, несомненно, захотят его расспросить. И вообще, мы не виделись лет десять, так что хорошо бы пообщаться с ним в более спокойной обстановке.

— Знаешь... я, пожалуй, не пойду, — нерешительно начала я. — Иди без меня.

— Что-о? — изумилась мама. — Слушай, не время сейчас капризничать! Быстро собирайся, не тяни резину, — она постучала по часикам.

— Я не пойду! — твердо повторила я. — Я устала и никуда не хочу идти. Тете Оле передай от меня поздравления.

— Но что я ей скажу? — теперь мама растерялась. — Ведь она звала тебя специально, чтобы вы пообщались со Славиком...

— Скажи, что я заболела, умерла и уехала на Дальний Восток! — рявкнула я. — Все, вопрос закрыт!

Вот сама не ожидала от себя таких слов, никогда раньше я так с мамой не разговаривала. Очевидно, мама тоже удивилась и не стала меня уговаривать.

Она поджала губы, молча влезла в туфли и ушла, не сказав мне ни слова.

Я заперла за ней дверь и вернулась в комнату. Делать было решительно нечего, тем более накатила вдруг и правда какая-то усталость, даже лень было поставить чайник. К тому же в душе был неприятный осадок. Было стыдно за то, что дала себя обмануть какой-то цыганке. Так что мама и тут права: я доверчивая растяпа и больше никто.

Чтобы успокоиться, я взяла с полки первую попавшуюся книгу. Это оказался «Грозовой перевал».

Не самое лучшее чтение для успокоения нервов, но лучше, чем ничего...

Однако не успела я прочесть и полстраницы, как свет в комнате мигнул и погас. Я вышла в коридор, чтобы проверить предохранители.

Вроде все было в порядке. Тогда я на ощупь открыла дверь и выглянула на лестницу. Там было темно, как в преисподней, только снизу доносились ругательства и собачий лай.

Значит, дело плохо — свет погас не только в нашей квартире, но и во всем доме...

Выглянув в окно, я убедилась, что света нет и в соседнем корпусе.

Свет у нас отключался довольно часто, и на такой случай мы держали в кухонном шкафчике пару свечей.

Я заглянула в шкафчик...

Свечей не было.

Как же так? Я помнила, что покупала их... Небось мама куда-то их переложила, но как теперь найдешь в такой темноте...

В общем, разбираться нет смысла, нужно думать, что делать, чтобы не блуждать по темной квартире. Если использовать подсветку телефона, его заряда хватит ненадолго... Ну да, скоро он совсем разрядится.

Тут я вспомнила про ту лампу, которую подсунула мне злополучная цыганка. Ведь это лампа, светильник, значит, она худо-бедно должна давать свет. Конечно, это каменный век, но лучше хоть такой светильник, чем никакого!

Я поставила лампу на стол, достала коробок спичек, чиркнула одну спичку, и тут сообразила, что сперва нужно налить в лампу какое-нибудь масло. Интересно, подойдет ли оливковое?

Все же я машинально поднесла огонек спички к носику лампы, и — о чудо! — фитилек загорелся, и комнату наполнил слабый, колеблющийся свет.

По стенам поплыли причудливые тени — в них можно было при некоторой доле фантазии разглядеть лошадей, верблюдов, всадников в блестящих доспехах...

В то же время комната наполнилась незнакомым, экзотическим ароматом. Ароматом южной ночи, волшебных цветов, дальних странствий...

От этого аромата у меня закружилась голова... Я успела еще подумать, что нужно погасить лампу, потому что у меня может быть аллергия на этот странный запах, но мысль эта уплыла вместе с дымом.

Я была уже не в собственной маленькой квартире, а на солнечной летней улице. Мы с мамой садились в рейсовый автобус. Мама что-то мне говорила, но я не слышала слов. Мы вошли через переднюю дверь, и я отчетливо увидела водителя — лысого дядьку с большими волосатыми руками. Перед ним над приборной доской покачивалась подвешенная на шнурке игрушка — маленький плюшевый медвежонок... медвежонок в забавной клетчатой шапочке...

Почему-то при виде этого медвежонка на меня накатила тяжелая тоска. Тоска и страх.

Кадр сменился. Теперь мы ехали в автобусе по пригородному шоссе, под выцветшим от зноя летним небом. Мы сидели на переднем месте, мама всегда говорила, что они самые удобные, на них меньше укачивает.

Мама снова что-то мне говорила — но я опять не слышала слов...

И смотрела я не на маму, а на водителя.

Он одной рукой придерживал руль, а другой прижимал к уху мобильный телефон.

И снова на меня накатила тоскливый, удушливый страх...

Я перевела взгляд на дорогу...

И вдруг увидела перед нашим автобусом стремительно приближающуюся фуру.

Фура шла по встречной полосе, но вдруг ее резко повело в нашу сторону.

Я хотела закричать...

Но крик застрял в моем горле.

Фура и автобус неумолимо сближались...

И кадр снова сменился.

Весь мир был сейчас какой-то странный, неправильный.

Небо, то самое вылинявшее летнее небо, полоскалось где-то внизу, под ногами. А сверху была земля, поросшая рыжей выгоревшей травой. А совсем близко, но тоже наверху, было что-то страшное, кровавое, в чем мое сознание никак не хотело узнавать маму.

И еще... еще там раскачивалась игрушка.

Маленький плюшевый медвежонок в забавной клетчатой шапочке.

Я не слышала звуков, не чувствовала запахов, но вдруг ощутила страшный, могильный холод...

И увидела, как перевернутый автобус охватывают оранжевые языки пламени.

Внезапно это видение погасло.

Зато вспыхнул свет — привычный, теплый свет лампы под розовым абажуром.

Я сидела у себя в комнате на диване, передо мной на столе стояла старая, закопченная лампа.

Она не горела — видимо, масло кончилось.

Свет в квартире был — к счастью, отключение было недолгим.

Но я все не могла прийти в себя от посетившего меня видения...

Что это было?

Я видела все так ярко, так отчетливо...

Я так явственно ощущала ужас и ледяной холод... холод надвигающейся смерти...

Мама вернулась поздно, когда я уже спала. То есть делала вид, что сплю, потому что мне ужасно не хотелось с ней разговаривать. Но если моей маме что-то нужно, она способна растолкать и спящего в берлоге медведя.

— Вставай, соня! — мама зажгла верхний свет. — Мне так много нужно тебе рассказать!

— Ох, ну что такое... — Я нарочно потерла глаза. — Ну что тебе нейдет, уж полночь скоро.

— Уж полночь близится, а Германа все нет! — сказала мама и отчего-то рассмеялась.

— И что смешного, — проворчала я, — бедная Лиза в Лебязьей канавке утопилась.

— Это она в опере утопилась, а у Пушкина для нее все очень хорошо кончилось, она замуж вышла за приличного человека!

Тут я подумала, что мама снова нашла мне какого-нибудь очередного козла и жаждет нас познакомить. Наверняка кумушки тети Олины поспособствовали.

— Ах, истомилась, устала я! — запела мама, кружась по комнате. — Где же ты радость бывала...

Причем если Лиза в опере пела эту арию с тоской и надрывом, то у мамы получалось довольно весело и бодро, на манер марша.

— Мам, ты выпила лишку там, что ли? — удивлению моему не было предела.

— Женщине позволительно быть пьяной только от шампанского! — объявила мама.

— Ну никуда нельзя одну отпустить! — вздохнула я и повернулась, взбив подушку.

— Не смей спать! — приказала мама. — Ты представляешь, Герман Иваныч наконец овдовел!

— Кто такой Герман Иваныч? — оторопела я.

— Слушай, ну трудно с тобой! Ты его видела у Ольги на юбилее пять лет назад!

Так, юбилей у тети Оли был не пять, а десять лет назад, но мне-то что до этого?

Тут мама присела ко мне на диван и долго рассказывала про этого Германа, который учился с ними в институте много лет назад, и они все дружили, а потом он женился, и его жена не позволяла ему встречаться со старыми друзьями...

В общем, как-то они разошлись, а время шло и шло, и потом через общих знакомых стало известно, что жена Германа тяжело заболела, и ему стало не до гостей, он приходил только на юбилей Ольги, и выглядел ужасно, говорили, что болезнь у жены тяжелая, что-то с головой, она ничего не помнит...

Под мерный мамин рассказ я начала засыпать, но она безжалостно меня растолкала и сообщила, что на завтра они сговорились с тетей Олей, Германом и Славиком ехать в область посмотреть вновь открытую восстановленную средневековую церковь. Славик отвезет нас всех на машине.

Сквозь сон я сообразила еще, что меня пригласили для того, чтобы я, так сказать, разбавила обще-

ство, потому что мама с тетей Олей небось набросятся на этого Германа Иваныча, или как там его. Раз уж мама такая оживленная и радостная после встречи со старым другом — стало быть, не просто так они дружили в институте. Но моя мама очень следит за приличиями, так что я тут буду очень кстати. Заодно и со Славиком повидаемся, и поговорим спокойно, пока мама с тетей Олей будут этого самого Германа обхаживать.

Мама разбудила меня рано. И вот вы не поверите, но было у меня такое чувство, будто тело приклеено к кровати липкой лентой. Ни руки, ни ноги не поднять.

— Мам, может, не поедем? — заныла я. — Ну зачем тебе эта замшелая церковь?

— Это что еще такое? — закричала мама, а была она уже аккуратно накрашена и блузочку вроде бы надела темненькую-скромненькую, но я-то знаю, в каком магазине она была куплена, и шарфик подобрала в тон блузке, а как же, в церковь же идем, нужно голову покрыть...

— Это что такое, я тебя спрашиваю? — Мама даже топнула ногой. — Мигом вставай, автобус по расписанию ходит, ждать не станет! Мы с таким трудом уговорили Германа к нам присоединиться...

Ах вот в чем дело... А я спросонья и не поняла, точнее забыла, про вчерашнюю новость, которая привела маму в такой ажиотаж. Герман Иваныч теперь свободен, и на него открыта охота. Причем что-то мне подсказывает, что тетя Оля тоже не прочь поохотиться. Отец Славика давно умер.

Так что отвертеться от поездки у меня не получится. Я вспомнила свое видение вчера, когда зажгла лампу, и сердце кольнуло нехорошо. Нет, одну маму я никуда не отпущу.

Всю дорогу до автовокзала мама оживленно болтала о том, какая нас ждет замечательная поездка.

— Ты только представь — там церковь пятнадцатого века, и при этом очень хорошо сохранившаяся! А какие там пейзажи! Это самое красивое место в области!

Я слушала ее вполуха.

Меня не оставлял тоскливый, мучительный страх.

Перед глазами проплывали картины, которые я увидела во время отключения электричества. Невеселая навстречу автобусу фура... перевернутый, покореженный автобус...

И отчего-то — плюшевый медвежонок...

Я пыталась пересилить себя, убедить, что это — глупость, дикие фантазии.

Но ничего с собой не могла поделать...

Наконец мы доехали, вышли на посадочную площадку.

Автобус там уже стоял.

— Как хорошо, что мы на него успели! — щебетала мама. — Следующий будет только через сорок минут! Они будут ждать нас на машине у поворота к церкви, а за Германом заедут к дому.

— Вот как, за Германом, значит, заедут, а мы должны на автобусе тащиться... — проворчала я, мама бросила на меня выразительный взгляд, но промолчала.

Мы подошли к передней двери...

И тут я увидела водителя.

Это был лысый загорелый дядька с большими волосатыми руками.

Точно такой был в моем вчерашнем видении...

Я попыталась успокоить себя.

Ну да, лысый. Ну да, волосатые руки.

В конце концов, все водители похожи друг на друга.

Ну, допустим, не все, но многие...

Но тут я увидела игрушку, подвешенную на шнурке перед лобовым стеклом.

Это был забавный плюшевый медвежонок в клетчатой шапочке...

Меня словно под дых ударили. Я остановилась, не дойдя до двери и двух шагов.

— Мама, я не поеду на этом автобусе! — проговорила я тихо, но твердо. — И ты не поедешь!

— Что значит — не поедешь? — переспросила мама. — Что значит — не поеду? Что такое ты говоришь?

— Не поеду — и все! — повторила я и попятилась от двери, не сводя глаз с чертова медвежонка. И натолкнулась на здорового мужика с огромной сумкой наперевес.

— Смотреть надо, куда прешь! — буркнул он, едва не уронив сумку.

Я не ответила и не извинилась, я пыталась оттащить маму от автобуса.

— Что ты такое несешь? — прошипела мама, оглядываясь по сторонам. — Возьми себя в руки! На нас уже смотрят! Садись уже в автобус! Не позорь меня!

— Ты меня не поняла? Мы не поедem на этом автобусе! — я сказала это громко, несмотря на странные взгляды остальных пассажиров.

— Как это — не поедem? Мы должны на нем ехать! Нас ждут! Мы не можем подвести людей! Мы заранее договорились! Церковь пятнадцатого века... или даже четырнадцатого... И Герман...

Я поняла, что она меня не слушает. И что она сейчас силой затолкает меня в этот автобус. Вот просто схватит за руку и потащит, может еще людей на помощь позвать. Хотя нет, говорила уже, что мама всегда соблюдает приличия.

У меня оставался только один аргумент — последний и решительный, как в песне.

Я понимала, что это плохо, аморально, но другого выхода не было.

Я закашлялась, захрипела, выпучила глаза, согнулась пополам... Проходящая мимо женщина с испугом шархнула в сторону.

— Что с тобой? — мама наконец обратила на меня внимание.

Я не отвечала, только хрипела и кашляла, и ненавязчиво, маленькими шагами, удалялась от автобуса.

— Что с тобой? — повторяла мама. — У тебя приступ?

— Да... да... — простонала я между приступами кашля и снова захрипела, боясь переиграть. Хорошо бы хоть слезы пошли, а то как-то ненатурально у меня получалось. Но слезы, как назло, не появлялись, и чихать не хотелось, из носа ничего не лилось. Вот зараза какая эта моя аллергия, в кои-то веки она мне нужна — так нет ее!

К нам подошла какая-то сердобольная женщина, спросила, чем она может помочь. К этому времени мне удалось отойти от автобуса подальше. Мама то-ропливо достала из сумки бутылку воды, протянула мне. Я хлебнула, и тут вода попала не в то горло, и я закашлялась по-настоящему.

— Припадочная! — громко сказал мужик, которому с трудом удалось запихнуть свою огромную сумку в багажное отделение.

Водитель выглянул из автобуса и недовольно спросил:

— Ну что, вы садитесь или что? У меня, между прочим, расписание.

— Или что! — отмахнулась от него мама.

— Ну так я поеду!

— Поезжайте, поезжайте!

Автобус отъехал.

Я сделала несколько глотков из бутылки, и мой «приступ» благополучно завершился.

Мама успокоилась — и сразу принялась меня отчитывать.

— Ну вот, следующий только через час...

— Ты говорила, через сорок минут.

— Сорок минут — это тоже много. Мы подведем людей... они нас ждут... как неудобно...

Она набрала телефон своей подруги, но тот не отвечал.

— Надо же их как-то предупредить... — бормотала мама, снова и снова набирая номер. — Они же будут ждать... волноваться... нехорошо так нервировать людей... И Герман, с таким трудом его уговорили...

При этом она покосилась на меня, и одним этим взглядом выразила все, что обо мне думает.

Но взглядом дело не ограничилось.

После очередного неудачного звонка она все же произнесла то, что было у нее на языке:

— Как неудобно перед людьми! Все из-за тебя...
неужели ты не могла взять себя в руки?

Я ничего не ответила.

К счастью, в это время подошел следующий автобус.

Прежде чем сесть, я взглянула на водителя.

Это был жгучий брюнет с густой курчавой шевелюрой. И на лобовом стекле у него болталась игрушечная ведьма на метле, с огромным крючковатым носом.

Перехватив мой взгляд, водитель подмигнул и заговорщицким тоном сообщил:

— На тещу мою похожа! Просто одно лицо!

Я вымученно улыбнулась и села.

На одном из передних мест уже сидела разбитная бабенка лет сорока в красном спортивном костюме.

— Девушка, вы с нами не поменяетесь? — обратилась к ней мама.

— Чего это?! — фыркнула та. — Кто раньше встал — того и тапки!

Мама тяжело вздохнула и воздела глаза — мол, о времена, о нравы...

А я только порадовалась — сейчас не было никаких совпадений с моим вчерашним видением...

Автобус наконец поехал.

Мама снова набрала номер тети Оли — и опять безуспешно. Телефон был вне зоны действия сети.

Тут мама снова завелась — принялась читать мне мораль, внушать, что я должна меньше обращать внимания на свои недомогания, больше думать о других людях...

Я молчала — с мамой лучше не спорить, тогда она быстрее выдохнется и сменит тему.

Так и случилось — ей наконец надоело меня воспитывать, и она переключилась на то, какую замечательную церковь мы должны были осмотреть.

— Там сохранились прекрасные фрески шестнадцатого века! В хорошем состоянии!

— Ты вроде говорила, что пятнадцатого. Или даже четырнадцатого.

— Это церковь пятнадцатого, а фрески более поздние. Но их автор — очень известный зограф...

— Кто? — переспросила я.

— Зограф — это художник по-старославянски! — пояснила она с апломбом. — В Средние века так называли художников, расписывающих церкви...

Я слушала ее вполуха, а сама посматривала на дорогу.

Меня все не оставляло какое-то беспокойство.

Вдруг автобус остановился — впереди была огромная пробка, растянувшаяся на километр.

Водитель заглушил мотор, вышел, чтобы разведать обстановку. Когда он вернулся, на нем лица не было.

— Что там случилось? — спросил его по возвращении кто-то из пассажиров.

— Авария... — ответил он мрачно. — Автобус столкнулся с грузовой фурой...

Я побледнела.

Перед моими глазами встало вчерашнее видение — несущаяся навстречу автобусу фура... опрокинувшийся мир, небо под ногами, и языки пламени, охватившие автобус...

— И когда мы теперь поедем? — спросила мама.

Водитель взглянул на нее возмущенно — мол, там, наверное, люди погибли, а ее интересует, когда мы поедем...

Мама, кажется, что-то поняла и замолчала. А потом снова переключилась на меня:

— Если бы ты взяла себя в руки, мы, может быть, успели проскочить до этой аварии, а сейчас вообще неизвестно когда приедем...

Я ничего ей не ответила.

У меня перед глазами раскачивался плюшевый медвежонок из вчерашнего видения.

Автобус простоял еще полчаса, и наконец пробка начала рассасываться, мы потихоньку двинулись вперед.

Мама снова набрала телефон подруги, и наконец сигнал сети появился.

В это время мы поравнялись с местом аварии.

Фуру уже оттащили на обочину, а перевернутый автобус лежал на боку, перегораживая половину шоссе.

Огонь уже потушили.

Трава вокруг автобуса почернела от огня, а еще на ней тут и там темнели лужи...

Мне не хотелось даже думать, что это за лужи.

Я разглядела кабину автобуса.

Водителя и пассажиров уже вытащили и увезли на машинах скорой помощи, но я успела разглядеть

плюшевого медвежонка на лобовом стекле. Он немного обгорел, но смотрел на проезжающих с глупой самодовольной ухмылкой. Клетчатая шапочка была измазана красным.

Мама тоже мельком взглянула на опрокинутый автобус, но быстро отвлеклась на телефон. Там слышался голос тети Оли, но тут же сигнал снова пропал.

— Как неудобно! — повторила мама который раз. — Люди все распланировали, рассчитали... потеряли столько времени... и все впустую, все зря!

Наконец тетя Оля прорезалась.

Мама начала сбивчиво извиняться, говорила, что мы опоздали из-за пробок, из-за аварии на шоссе...

Тетя Оля принялась ее утешать, однако под конец сообщила, что церковь, которую мы собирались посетить, через час закроется, так что мы туда уже все равно не успеем. Так что Герман, чтобы зря не пропал день, пригласил их в ресторан, который находится тут неподалеку. Очень миленький ресторанчик, находится не прямо на шоссе, а чуть в сторону, вон они как раз туда приехали.

— Жаль, конечно, что не посмотрели церковь, но это не конец света... договоримся как-нибудь на другой день...

Даже без громкой связи мне был слышен чересчур довольный голос тети Оли.

Мама покосилась на меня и забормотала:

— Конечно, конечно, съездим как-нибудь в другой раз... уж такой сегодня день...

Закончив разговор, она повернулась ко мне и сказала плачущим голосом:

— Ну, ты видишь, к чему привели твои капризы? Мы потеряли целый день... ну, мы-то ладно, я уже к этому привыкла, но люди-то в чем виноваты? — Она сверкнула глазами и добавила:

— Конечно, я не сказала Ольге, что это из-за тебя... ты хоть ценишь мою деликатность?

Я снова промолчала, хотя было видно, что добило маму известие о ресторане. Что Герман пригласил, она, конечно, не поверила, наверняка эта заклятая подружка Ольга его пригласила!

У меня же все стоял перед глазами перевернутый автобус.

Наконец мы доехали до остановки, вышли и на обратном автобусе отправились в город.

И всю дорогу мама дулась на меня, вздыхала и имела самый несчастный вид.

Когда мы уже подъезжали к дому, она в очередной раз с тяжелым вздохом процедила:

— Если бы мы сели на тот автобус...

Тут я наконец не выдержала и выпалила:

— Мама, ты что, не понимаешь, что если бы мы сели на тот автобус, нас бы сейчас не было на свете!

— Что ты такое несешь? — удивленно проговорила мама, уставившись на меня как баран на новые ворота.

— А ты что — не видела? Это ведь тот самый автобус попал в аварию! Тот самый, в какой мы чуть не сели!

— Ерунда... — ответила мама, но в ее голосе не было прежней уверенности. — Вечно ты все придумываешь, тебе надо взять себя в руки и не обращать внимания на разные мелочи. И меньше думать о себе, а больше — о других людях.

Под другими людьми она, разумеется, имеет в виду себя. Ну-ну...

До вечера мама слонялась по квартире, держа в руках телефон. Смотрела на экран, проверяла сообщения. На лице у нее решимость сменялась растерянностью.

Не нужно было быть специалистом, чтобы прочитать ее мысли, а именно: ей хотелось позвонить Герману, но не было приличного повода. А тете Оле она не хотела звонить из гордости. В общем, мне бы ее заботы, мысленно вздохнула я.

В конце концов мама сказала, что очень устала, и легла спать пораньше.

Я же долго не могла уснуть.

Перед моими глазами снова и снова появлялся перевернутый автобус, игрушечный медведь на лобовом стекле...

Увиденное на шоссе перемешалось с тем, что предстало передо мной в видении...

Видении, которое возникло, когда я зажгла старую лампу. И ведь все же совпало, перед собой-то я не стану хитрить.

Так, может, все дело в лампе?

Я поднялась, достала ее, поставила перед собой на стол, внимательно осмотрела.

Лампа была старая, помятая, закопченная. Наверняка ей было очень много лет. Ну да — уже лет сто, а то и больше, такие лампы вышли из употребления.

Интересно, что в ней еще осталось масло.

Под влиянием то ли любопытства, то ли другого неосознанного чувства я чиркнула спичкой и поднесла ее к носику лампы.

И фитилек снова загорелся.

Опять, как накануне, по стенам комнаты поплыли причудливые тени. На этот раз они казались похожими на средневековые замки и крепости с зубчатыми стенами...

Как накануне, комната наполнилась странным экзотическим ароматом, от которого у меня закружилась голова...

Я была уже не в своей маленькой комнате, а в большом, пустом старинном здании.

Я шла по длинному гулкому коридору вслед за рослой, крупной женщиной, в которой узнала свою сослуживицу Ираиду Павловну Басинскую по кличке Бастинда.

Ираида Павловна — это уникал, но я расскажу о ней позднее...

Сейчас я шла за ней, с любопытством оглядываясь по сторонам.

Бастинда открыла дверь в конце коридора, и мы оказались в большом зале с резным деревянным потолком.

На середине высоты зал опоясывала деревянная же галерея с красивыми резными перилами.

С двух сторон эту галерею поддерживали деревянные кариатиды с недовольными, сердитыми лицами.

Ну, их недовольство можно понять — много лет поддерживать тяжелую галерею — удовольствие ниже среднего...

Бастинда повернулась ко мне и что-то сказала.

Но, как и накануне, я не услышала ни слова, только увидела движение ее губ. Но догадалась, чего

она хочет от меня, достала из папки, которую сжимала под мышкой, толстый блокнот и приготовилась записывать.

Бастинда же подошла к первой кариатиде, достала из своей сумки специальный скальпель и принялась соскабливать верхний слой дерева с колена кариатиды.

Все ясно — она берет с этого колена образец древесины, чтобы узнать ее состояние и проверить, заражена ли она древоточцами и другими вредителями...

В это время пол под ногами Ираиды негромко затрещал и начал прогибаться...

И кариатида словно ожила.

Она начала наклоняться, как будто хотела разглядеть того, кто посмел нарушить ее покой...

Какое-то время, какие-то бесконечно долгие доли секунды я не могла понять, что происходит. Но потом до меня дошло, что прогнивший пол под внушительным весом Ираиды Павловны просел, прогнулся, при этом кариатида, насквозь проеденная жучками, от незначительного усилия Бастинды потеряла устойчивость и сейчас рухнет на несчастную Ираиду...

И не только кариатида, но и вся галерея, которую она до сих пор поддерживала...

Я закричала, чтобы предупредить Бастинду, но крик мой был беззвучным, как и все в этом странном видении.

Ираида, ничего не замечая, продолжала скоблить древесину...

Тогда я бросилась к ней, чтобы выдернуть ее из-под падающих обломков...

Но уже опоздала.

Кариатида сложилась пополам, как будто хотела встать на колени, и обрушилась всем весом на несчастную Бастинду.

И тут же на нее сверху рухнула потерявшая опору галерея...

Я остановилась на полдороге — уже поздно было что-то делать...

Через несколько секунд обломки застыли, только пыль поднялась над грудой, из-под которой торчала нога Ираиды. Нога в трогательном, безвкусном полосатом носочке. Туфля валялась чуть в стороне...

И тут же видение задрожало и начало таять, а я услышала громкий, возмущенный мамин голос:

— Что ты здесь делаешь? Ты хочешь спалить нашу квартиру?!

Я вздрогнула и очнулась.

Лампа на столе уже не горела, только белесая струйка дыма поднималась от ее носика к потолку.

В дверях моей комнаты стояла мама в цветастом халате поверх ночной рубашки, рот ее был раскрыт в крике.

— Ты сошла с ума!

— Мама, в чем дело? — спросила я удивленно.

— Ты еще спрашиваешь? Я проснулась от какого-то ужасного запаха, подумала сперва, что загорелась проводка, зашла к тебе и увидела эту злополучную лампу! Ты ее зажгла! Ты понимаешь, что ты могла устроить пожар?

— Мама, да какой пожар? Не волнуйся ты так! — я пыталась успокоить ее не столько словами, сколь-